

тому несомненно должны были быть опубликованы.

Повторяем, сборник этот повидимому составлялся наспѣхъ и въ трудныхъ условіяхъ. Будемъ за него все-же благодарны, какъ за напоминаніе о замѣчательномъ человѣкѣ, всю свою жизнь посвятившемъ Пушкину, руководителѣ того учрежденія, которое незадолго до своей смерти почтилъ стихами Блокъ:

...Вотъ зачѣмъ такой знакомый
И родной для сердца звукъ,
Имя Пушкинскаго Дома
Въ Академіи Наукъ.

.....
Съ бѣлой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Съ Б. Л. Модзалевскимъ сошла въ могилу цѣлая эпоха въ исторіи пушкинизма. Можно опасаться за то, удастся ли Пушкинскому Дому безъ его славнаго директора сохранить, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, свое исключительное положеніе.

Г. Ферстера

Путь № 24 и 25. Утца-Press. Парижъ.

Что такое православіе? — Это нищая религія. Незвѣстная и неизданная мистическая поэзія, разоренные храмы, смиренные священники. Православіе омытое слезами столькихъ подвижниковъ, презираемо католичествомъ за отсутствіе большой схоластической литературы, за неясность догматовъ, которые и вправду не установлены окончательно, за неопредѣленность авторитета соборовъ, за мірскіе интересы священниковъ. Что можетъ на это возра-

зить эта, почти тайная, церковь? То, можетъ быть, что схоластическая мысль чаще всего отъ лукаваго, что своимъ логическимъ теніемъ она изсушаетъ теплоту религіозности, что авторитетъ посягаетъ на соборную жизнь церкви, на софичность ея, что православіе не занимается политикой и что вся его спасительность и нѣжность въ склоненіи къ быту. Трудно ему даже сослаться на свою особую софическую атмосферу, ибо софичность есть скорѣе тихое вѣянье, чѣмъ точно сформулированная система. Софичность есть атмосфера, она живетъ въ несказанной нѣжности пѣснопѣній, въ кроткомъ культѣ юродства и нищеты, въ колѣнопреклоненіи, въ молчаніи, въ мистической темнотѣ православія. Христосъ католиковъ есть скорѣе царь, Христосъ протестантовъ — позитивистъ и титанъ, Христосъ православный — трости надломленной не переломить, онъ весь въ жалости, всегда въ слезахъ, потому то всѣ, далеко даже отошедшіе отъ церковности, все-же никогда съ презрѣніемъ о ней не говорятъ, а сохраняютъ навѣкъ нѣкую боль разрыва съ православіемъ, какъ Блокъ. Католичество же, властное по природѣ, склонно вызывать тиѣвъ отступниковъ. Но не пора ли православіе защищать и даже реабилитировать его, какъ это ни смѣло сказано. Изучать и издавать его мистическую литературу, и нѣжнѣйшую религіозную поэзію, хотя бы времени «голубиной книги». Россія не дооцѣнивала православія, все равнялось на Западъ и даже персы и индусы лучше издавались, чѣмъ православные святые, и это несмотря на Хомякова и Леонтьева и даже Достоевскаго. Розановъ казался почти чудакomъ въ Россіи, Ремизомъ — археологомъ, однако они и на-

чали очищеніе православія отъ недо-
мыслия западниковъ. «Путь» равняется
на русскую церковь, онъ чрезвычайно
цѣненъ въ виду этого, хотя Франкъ,
Бердяевъ и Лосскій скорѣе евро-
пейскіе умы, давно оцѣненные. Иль-
инъ, можетъ быть, слишкомъ рѣ-
зокъ для софической атмосферы — онъ
скорѣе протестантски трагиченъ. Выше-
славцевъ блестящій язычникъ, но зато
съ Флоровскимъ, Арсеньевымъ, Плетне-
вымъ, Алексѣевымъ, Булгаковымъ,
Прокофьевымъ и нѣкоторыми другими,
появляется въ эмиграціи чисто право-
славная, лирически теплая, софическая
настроенность. Нѣчто новое въ общемъ
и очень цѣнное. Изъ новыхъ сотрудни-
ковъ журнала въ прошлыхъ номерахъ
еще запомнились Меншиковъ и интерес-
ный хотя и хаотическій Иваскъ. Чрез-
вычайно жалко также, что Карташевъ
не принимаетъ участія въ «Пути».

Б. П.

André Malraux. La voie royale.
Grasset. Paris.

Противопоставленіе европейской ци-
визаціи и жизни природы, жизни при-
митивнаго человѣка является безспор-
но самою модною темою современной
французской литературы. Но романъ
Малро даетъ ей неожиданную и острую
форму: герой романа Клодъ Ваннекъ
ищетъ въ тропическихъ лѣсахъ, среди
дикихъ племенъ Индо - Китая память
о былой утонченной культурѣ, которая
превратилась какъ бы въ часть приро-
ды. Описаніе поросшаго тропическою ра-
стительностью, населеннаго пресмыкаю-
щимися, древняго храма врѣзается въ

память читателя. Древнія кмерскія ста-
туи, которыя Клодъ Ваннекъ отдираетъ
отъ ихъ вѣкового жилища, чтобы увез-
ти съ собою въ Европу, становятся по-
чти живыми. Для автора жизнь худо-
жественнаго творенія кажется безспор-
нѣ жизни человѣка и звѣря. Какимъ
отвращеніемъ полны его описанія га-
довъ окружавшихъ каменную красу хра-
мовъ! — чувствуешь почти физическое
содроганіе отъ муравьевъ, которыхъ да-
вила ладонь ползшаго по стѣнѣ Клода
Ваннека. Статуи безсмертны, человѣкъ
смертенъ. Мысль о смерти гонитъ героя-
авантюриста по свѣту. Смерть въ об-
разѣ ясной угрозы дикарей кажется ему
менѣе страшной, чѣмъ смерть, спря-
танная въ мягкихъ складкахъ европей-
скаго комфорта. Единственный отпоръ
смерти — активность и это рождаетъ
авантюризмъ.

Андре Малро обладаетъ рѣдкимъ да-
ромъ описанія картины двумя - тремя
штрихами: трудно забыть палатку вож-
дя дикарей, бѣлый домъ, въ которомъ
ослѣпленный французъ вертитъ жер-
новъ мельницы, или мелькающую меж-
ду деревьями картину костра, на кото-
ромъ дикари сжигаютъ трупы, — луч-
шую быть можетъ зрительную страни-
цу романа. Андре Малро обладаетъ тем-
пераментомъ необычайной силы, кото-
рый окрашиваетъ жизнью каждую стро-
ку; — и отравя его мысли даетъ рома-
ну горькую, почти безнадежную страст-
ность. Подлинность романа, взятаго изъ
дѣйствительной археологической по-
ѣздки Андре Малро въ Индо - Китай,
составляетъ одну изъ его неотъемле-
мыхъ прелестей.

Ю. Савинова